

An illustration of a city with yellow buildings and a central tower, surrounded by large, intense red flames. In the background, there are dark, jagged mountains and a figure on a cliff. The overall style is reminiscent of a children's book illustration.

*В защиту
культурного
наследия*

Л.А. Бехтерева

Гений на фоне околонаучных интриг и амбиций

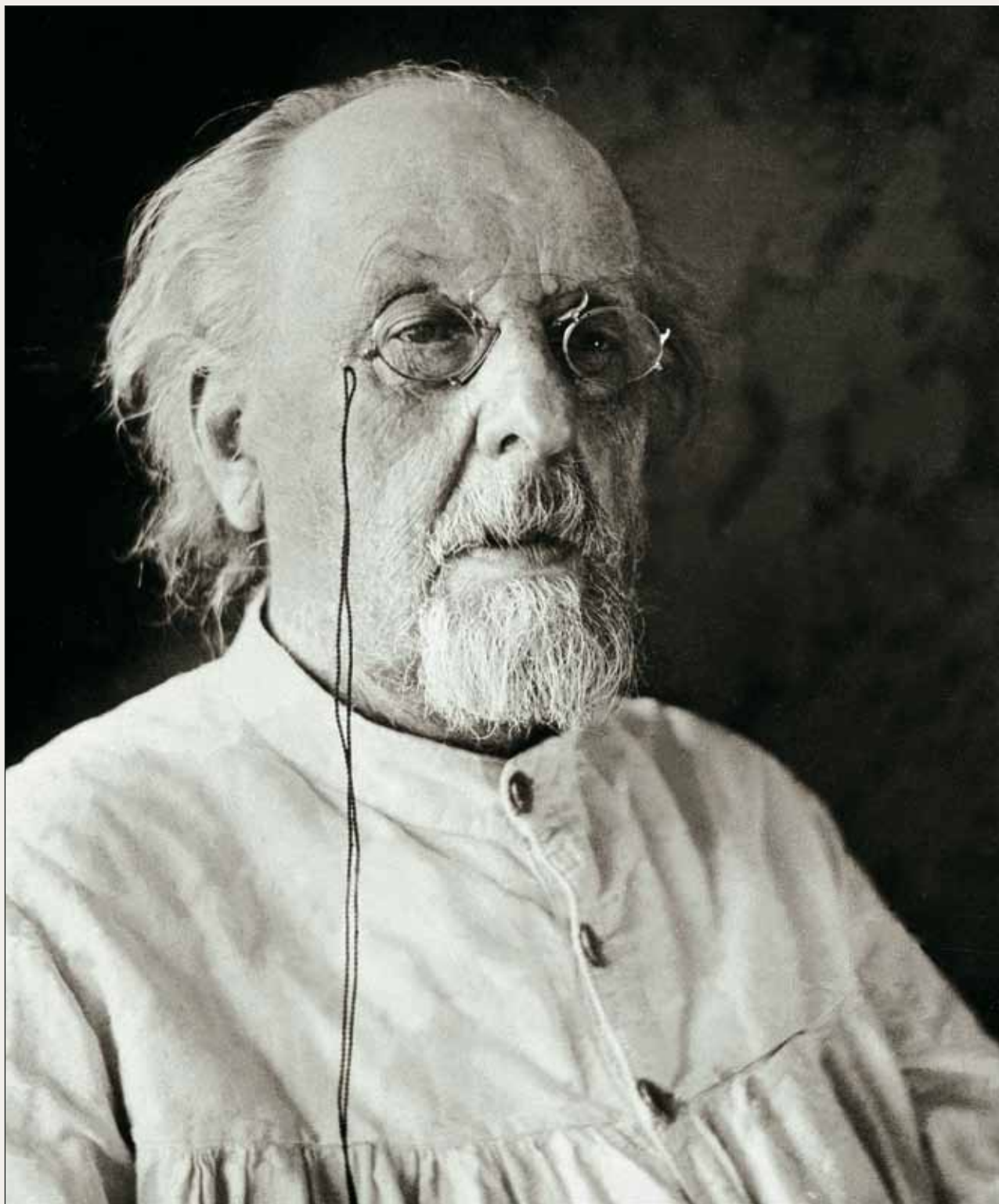
*О научном приоритете
К.Э. Циолковского*

*Чем мир новей – тем мир суровой,
Несправедливей, злее суд,
Тем больше мук, гонений, крови
Они великим принесут.*

А.Л. Чижевский

Жизнь великих людей протекает не только в постижении законов природы, но и в изнурительной, истощающей и бесконечной борьбе с противниками. Такая жизнь обычно бывает трагична. Она либо заканчивается в молодом возрасте, ибо общество не может долго выносить дерзости гения и так или иначе убивает его, либо приводит к преждевременной старости и лишает сил, необходимых для творчества. Эти люди уходят из жизни, далеко не исчерпав всех данных им от природы возможностей.

В 2007 году исполнилось 150 лет со дня рождения Константина Эдуардовича Циолковского. Сегодня он не нуждается в какой-либо защите, его труды в области ракетной техники и космонавтики широко известны, его имя стало именем нарицательным наряду с именами многих ученых, опередивших творениями свой век. Но помнить о том, насколько он был непонят большинством своих современников, необходимо. К сожалению, и сегодня в мире науки остракизм по отношению ко всему новому – явление довольно обычное: глушится научная

К.Э. Циолковский

мысль, не укладывающаяся в рамки общепринятой парадигмы, пресекается научная инициатива.

Труд К.Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903), который постигла трагическая судьба (почти весь тираж был арестован в мае 1903 года), застал русское ученое сообщество врасплох. В начале прошлого века оно было совершенно не подготовлено

к восприятию идей Циолковского. На заре авиации его прогрессивные идеи, его исследования в области ракетодинамики не встречали поддержки, считались домыслами автора, не имеющими к науке никакого отношения. Циолковского воспринимали как фантазера-самоучку. Он оказался неугоден ученым, потому что постоянно выдвигал новые научно обоснованные гениальные идеи,

которых они не понимали или не хотели понять. А позже, когда эти идеи получили признание, официальные академические круги отрицали приоритет Циолковского в теории применения реактивного двигателя в космических полетах.

Один из наиболее талантливых наших авиаконструкторов А.С. Яковлев в книге «Рассказы авиаконструктора» описывал ситуацию в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ), созданном в 1918 году, где в те времена дела находились в плачевном состоянии: «Создавалось впечатление, что вершителями всех дел в этом научном центре авиации были не научные руководители, а мелкие администраторы. Иные научные сотрудники совершенно не знали жизни. Самолетов в натуре никогда не видели. Они занимались в основном никому не нужными диссертациями и зарабатывали себе ученые степени»¹.

В 1918 году в журнале «Былое» была опубликована статья «Проект воздухоплавательного аппарата Н.И. Кибальчича». Из текста следует, что «корабль» Кибальчича имел вид открытой платформы с установленным на ней реактивным двигателем, в который должны были подаваться шашки из спрессованного пороха. Расчетов и математических формул в тексте не было. Весь аппарат тяжелее воздуха, то есть представляет собой очень условный прототип космического прибора (по типу полета), однако сам автор предназначил его для движения в атмосфере, то есть не имел в виду космических целей. Расчетов не было, технологических решений также не было, одна идея. По образному выражению профессора А.А. Космодемьянского, «воздухоплавательный аппарат по проекту Н.И. Кибальчича напоминал собой сказочный ковер-самолет»². После публикации этой статьи профессор Н.А. Рынин обвинил Циолковского в присвоении идеи Кибальчича. В том же журнале «Былое» (№ 10–11, 1918) Рынин писал: «После Н.И. Кибальчича ту же идею разрабатывал К.Э. Циолковский»³.

Утверждение Рынина, что Кибальчич первым высказал идею реактивного двигателя, А.Л. Чижевский в 1960-е годы, уже пройдя свою Голгофу травм и репрессий, комментировал так: «Почему до сих пор ученые мужи считают его “предшественником Циолковского”? Ответ на этот вопрос очень прост: никто из ученых мужей не потрудился ознакомиться в подлиннике с текстом Кибальчича, и потому неверная формулировка профессора Н.И. Рынина 1918 года благополучно живет до сих

пор и даже выставляется в павильоне Академии наук СССР, на ВДНХ, вопреки тексту Проекта»⁴.

В 1931 году Рынин, познакомившись с калужским гением лично, стал одним из первых его популяризаторов и опубликовал книгу «Константин Эдуардович Циолковский. Его жизнь, работы и ракеты», в которой уже утвердительно высказался о приоритете К.Э. Циолковского в создании ракеты. Сам Циолковский зла не помнил и с доверием отнесся к профессору, прислав ему свою автобиографию и указав, что ее редактирование и использование он отдает на усмотрение Рынина.

В плагиате идей Кибальчича обвинял К.Э. Циолковского и руководитель ЦАГИ В.П. Ветчинкин. Будучи еще доцентом, он в своих лекциях в Московском высшем техническом училище (МВТУ) заявлял, что истинным творцом реактивного прибора для межпланетных путешествий является Кибальчич. Чижевский считал, что это утверждение порочит имя истинного первооткрывателя. Он встретился с Ветчинкиным, чтобы передать ему письмо Циолковского и потребовать ответа. В письме Циолковского было написано: «Один из Ваших слушателей письменно сообщил мне, что в своих лекциях Вы утверждаете о том, что приоритет обоснования реактивного двигателя и межпланетных полетов принадлежит не мне, Циолковскому, а известному революционеру Н.И. Кибальчичу <...> Изучать вопрос реактивного движения я начал еще в начале 80-х годов прошлого века, что могу доказать имеющимися у меня старыми рукописями, но первая печатная публикация моего сочинения на эту тему относится к 1903 году. <...> Свои соображения и математические доказательства я изложил независимо от кого-либо. В те годы о Н.И. Кибальчиче и о судебном процессе я знал только по газетным сообщениям. Знал я также и о том, что он изобрел какой-то “воздухоплавательный прибор”, но в чем состояло его изобретение, мне было неизвестно. Мой же аппарат не нуждается в воздухе и может совершать полеты и в безвоздушном пространстве. Ваше утверждение, с которым Вы выступаете на лекциях в МВТУ, будет иметь силу доказательства только в том случае, если в период до 1903 года Н.И. Кибальчич, его наследники или кто-либо другой опубликовали применение закона реактивного движения для межпланетных полетов или я имел доступ к строго секретному архиву охранного отделения, где хранился рапорт Н.И. Кибальчича нетронутым до Октябрьской революции.

¹ Яковлев А.С. Рассказы авиаконструктора. М., 1961. Цит. по: Чижевский А.Л. На Берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. М., 1995. С. 179.

² Чижевский А.Л. На Берегу Вселенной... С. 173.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же.

Я надеюсь, что Вы соизволите ответить мне на мой недоуменный вопрос и прекратите компрометирующие меня выступления как не имеющие каких-либо фактических оснований»⁵.

При чтении этого письма лицо доцента Ветчинкина, по описанию Чижевского, стало «недовольным и затем скорчилось в гримасу». Он заявил, что никаких лекций о Циолковском не читал и не помнит, чтобы что-то говорил о Кибальчиче. Пытался убедить Чижевского в том, что ракеты годятся только для фейерверков, что Циолковскому следовало бы разрабатывать лучше свой металлический дирижабль. А что касается ракет, то время для них, дескать, еще не пришло, за Циолковского это сделают другие. На письмо Циолковского ответа не последовало. Чижевский понял, что Ветчинкин, который находится на одной из высших ступеней академической административной лестницы, имеет степени, звания, ордена, – противник нового в науке, способный на безнравственные поступки.

Ветчинкин издал свои работы по теории ракетостроения в 1935 году, в год смерти Циолковского. Долгое время он занимался винтовыми самолетами и не допускал мысли о преимуществе ракетной техники, считая ее, как и многие ученые того времени, включая высшие академические круги, цирковой забавой. Это продолжалось до тех пор, пока в 1920-е годы Ветчинкин не наткнулся на статьи иностранных авторов, работающих над созданием ракет⁶. Только тогда он понял, что Циолковский занимается очень нужным делом: разрабатывает все новые и новые схемы ракет, проекты ракетных поездов, рассчитывает траектории и, несомненно, намного опережает его, Ветчинкина. Как полагает А.Л. Чижевский, с этого времени он стал вынашивать план, каким образом потеснить или лучше убрать со своей дороги истинного изобретателя, чтобы самому заняться вопросами ракетной техники. Он понимал, что нужно выждать время, найти подставное лицо и представить научному миру какого-нибудь псевдогения. «Не всякий человек пошел бы по этому скользкому пути, – писал А.Л. Чижевский, – не всякий принял бы это предложение, даже если бы оно было сделано при сохранении строжайшей секретности. Ясно лишь одно: порядочный человек не счел бы для себя воз-

можным вмешиваться в это преступное дело. <...> Долго и прилежно подбирался такой подходящий человек, которому можно было бы поручить дело уничтожения Циолковского как научной величины, дабы после совершения подобного акта присвоить себе в дальнейшем приоритет и авторитет в области ракетодинамики и космонавтики»⁷.

Такого человека удалось найти. Им неожиданно для научного мира оказался некий механик элеваторного дела Юрий Васильевич Кондратюк, с которым Ветчинкин, как писал Чижевский, возился четыре года. Ученый мир услышал имя Кондратюка в 1929 году, после выхода из печати в Новосибирске его книги «Завоевание межпланетных пространств». Книга вышла под редакцией и с предисловием Ветчинкина, в котором он выдвигал нового претендента на место «отца ракетодинамики и космонавтики».

Познакомившись с книгой Кондратюка, Циолковский и Чижевский убедились, что это плагиат многолетнего труда Циолковского – хотя Ветчинкин в своем предисловии в довершение ко всему обвинил в плагиате именно Циолковского. Обоим бросилось в глаза, что вторая глава книги Кондратюка была начата с уравнения, которое является точной копией известного уравнения Циолковского, выведенного им еще в 1903 году. «Для нематематика, – писал А.Л. Чижевский, – претензии Кондратюка могут иметь еще некоторое значение, ибо понимание уравнений или формул обуславливается специальным образованием. На кого рассчитывал он? Очевидно, на профана, который поверит ему с первого слова. <...> Спрашивается, зачем надо было проф. Ветчинкину начинать с этого уравнения, когда можно было воспользоваться известным дифференциальным уравнением, основанным на законе о постоянстве количества движения? Таким образом, и здесь мы видим “притянутую за волосы” попытку освободиться от К.Э. Циолковского, используя тот же математический аппарат»⁸.

Кондратюк бесцеремонно пользуется уравнением Циолковского и при этом утверждает, что ничего не знал о его работах. В предисловии сообщается, что Кондратюк «только недавно имел возможность ознакомиться с частью статьи Циолковского “Исследование мировых пространств реактивными

⁵ Чижевский А.Л. На Берегу Вселенной... С. 169.

⁶ В первой четверти XX века были опубликованы многие оригинальные и самостоятельные работы в области теории ракетостроения: К.Э. Циолковский. «Исследование мировых пространств реактивными приборами», 1903, 1911–1912, 1924, 1926; Р. Годдард (США). «О возможности перемещения в межпланетном пространстве», 1907; Р. Эно-Пельтри (Франция). «Соображения о результатах неограниченного уменьшения веса двигателей», 1913; Ф.А. Цандер (СССР). «Перелеты на другие планеты», 1924; Г. Оберт (Германия). «Ракета в космическое пространство», 1924; В. Гоман (Германия). «Возможность достижения небесных тел», 1925. – Прим. ред.

⁷ Чижевский А.Л. На Берегу Вселенной... С. 560.

⁸ Там же. С. 568.

приборами”, помещенной в журнале “Вестник воздухоплавания” за 1911 год⁹. А вторую часть работы он якобы так нигде и не нашел. А.Л. Чижевский опровергает его выдумки: «Статьи Циолковского 1903, 1910, 1911–1912 годов легко отыскиваются в библиотеках нашей страны. Следовательно, ссылка Ю.В. Кондратюка на невозможность ознакомиться с работами К.Э. Циолковского не имеет абсолютно никакого основания...»¹⁰

Далее Кондратюк пишет (приводим текст с пометками А.Л. Чижевского): «В 1918 году в одном из старых номеров “Нивы” (sic! – А. Ч.) я случайно наткнулся на заметку о ракете Циолковского, но “Вестника воздухоплавания», на который ссылалась заметка, я еще долгое время не мог отыскать (!?). Эта и попадавшиеся мне впоследствии заметки в периодической печати о заграничных исследованиях (sic! – А. Ч.) дали толчок для дальнейшей, более точной и подробной разработки теории полета, для перехода от общих физических принципов к обсуждению технической возможности, к их реальному применению»¹¹. «Плохо скроено и еще хуже сшито!» – комментирует А.Л. Чижевский. Выходит, что не работы Циолковского, а «заграничные исследования» дали толчок развитию идей Кондратюка. (Следует отметить, что некоторых иностранных авторов научных исследований в своей книге он действительно слегка касается, при этом беззастенчиво кое-что присваивая и из их трудов.)

В мае 1929 года Кондратюк писал профессору Н.А. Рынину: «Достигнув в 1917 году в своей работе первых положительных результатов и не подозревая в то время, что я не являюсь первым и единственным исследователем в этой области, я на некоторое время как бы “почил на лаврах” в ожидании возможности приступить к экспериментам, которую рассчитывал получить реализацией изобретения, держа в то же время свою работу в строжайшем секрете»¹². Для современников, знакомых с литературой по этой теме, было очевидно: все, что написано Кондратюком в книжке 1929 года, было опубликовано ранее К.Э. Циолковским, Р. Эно-Пельтри, Р. Годдардом, Г. Обертом, М. Валле, Р. Ландеманом и другими исследователями в СССР и за рубежом¹³.

После ознакомления с книгой Кондратюка Циолковский сказал: «Признаваться в том, что не знаешь литературы изучаемого предмета, может толь-

ко либо невежда, либо глупец». Листая книгу, он воскликнул: «Позвольте, но ведь это же мои уравнения!»¹⁴ Чижевский был свидетелем острых переживаний Константина Эдуардовича. «Все казалось мне вчера пустяком, – хрипло сказал он, – а вот всю ночь не спал и теперь вижу, что все не так просто и что все это грозит концом»¹⁵. Это было тяжелое отчаяние, непереносимая боль человека, у которого украли результаты работы всей его жизни. Он сказал Чижевскому: «...пройдут годы, улягутся страсти, и тогда вы – очевидец этих дел – должны будете восстановить мой приоритет, если это понадобится, или рассказать об этих делах в назидание будущим поколениям. Я прошу вас об этом, а я буду спокойно работать и спокойно умру, зная, что вы со временем сделаете то, о чем я вас прошу. Пусть эта просьба будет моим вам завещанием»¹⁶.

Чижевский, сам находясь в тяжелейшем положении, выполнил все, о чем просил Циолковский. Он отстаивал приоритет Циолковского в мировой науке в области космонавтики. В его поэзии есть такие строки, обращенные к противникам Циолковского:

*...Пигмеи вы пред ним, без всяких упований,
Но власть у вас в руках – и право издеваться,
Долой же ваш картуз пред гением. Долой!
Песчинкам можно ли сравняться со скалой!*

После выхода книги Кондратюка поднялась новая волна анонимных писем и клеветы в адрес Циолковского. Профессор Ветчинкин, занимавший ответственный пост в ЦАГИ, распространял слухи о том, что Циолковский выжил из ума. Это подкреплялось самыми фантастическими выдумками и вдалбливалось в умы людей. Вот какой случай произошел однажды с Константином Эдуардовичем, о котором он рассказал Чижевскому: «Пришел ко мне мужчина интеллигентного вида, представился, назвал свою фамилию... И пустился со мной в разговор о том, о сем. Как живу, как работаю. Действительно ли хочу строить ракету для полетов на Луну. Заглянул в мои рукописи и задал мне как бы невзначай ряд вопросов такого примерно рода: “Константин Эдуардович, а сколько будет восемью пять?” Я, смеясь, ответил: “Сорок!” Тогда он подмигнул мне и сказал: “А сколько будет пя-

⁹ Чижевский А.Л. На Берегу Вселенной... С. 562.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 562–563.

¹² Там же. С. 567–568.

¹³ Там же. С. 568.

¹⁴ Там же. С. 575.

¹⁵ Там же. С. 577.

¹⁶ Там же.

тью восемь?» При этом вопросе меня как бы осенило: да это врач-психиатр, и я нарочно ответил с расстановкой: «Пятью восемь – это совсем другое дело, чем восемью пять. Это можно решить только с помощью медицины». Тут мой собеседник вытаращил на меня глаза и испуганно сказал: «Что Вы, что Вы, Константин Эдуардович, ведь я пошутил, я не хотел».

«И я пошутил, доктор, и я не хотел, да так вышло. Будем считать, что обследование психически ненормального Циолковского окончено. Не так ли?»

«Будем считать, – извиняющимся тоном сказал он, – что Вы здоровы, и Вы поймали меня, как мышонка. Не сердитесь на меня, меня направило к Вам одно очень влиятельное лицо, и я не мог послушаться!»

Так кончилось посещение меня этим интеллигентом. Хорошо, что он оказался порядочным человеком и не запрятал меня в сумасшедший дом. И на том спасибо...»¹⁷

После Октябрьского переворота Циолковского арестовали. Дело было в Калуге осенью 1919 года. В гости к ученому пришел провокатор, сотрудник местного ГПУ, под видом то ли белогвардейца, то ли оппозиционера к власти, и завел разговор о трудностях жизни в период гражданской войны. Циолковский разговор поддержал, и на следующий день был арестован местными властями, а позже отправлен на Лубянку. «Ночью, – вспоминает он, – пришли пять вооруженных человек с ордером ЧК, обыскали весь дом, точно искали бомбу, и к рассвету увели меня»¹⁸. На Лубянке его поместили в холодную камеру (дело было зимой). В холодной комнате в течение нескольких часов «в сизом махорочном дыму», от которого Циолковского мутило, его с пристрастием допрашивали двое, требуя ответа о контрреволюционных делах подозреваемого. Так продолжалось несколько дней. Поводом для разбирательства было то, что он переписывался с фронтами (в калужском Музее истории космонавтики имени К.Э. Циолковского хранится его переписка с Южным фронтом. – *Ред.*), предлагая свой проект дирижабля для военных действий на стороне советской власти, хотя от проекта до реальной конструкции было очень далеко. Его сочли чуть ли не шпионом, однако быстро разобрались – ученый считал, что следователь попался умный. Две недели спустя он вернулся домой.

Циолковский продолжал трудиться. В одной из своих рукописей он сделал явный намек на то, что книжка «Завоевание межпланетных пространств» составлена Ветчинкиным, а в статье «Космические поезда» (1929) поместил Кондратюка как популяризатора своих идей в самом конце перечня многих фамилий, тем самым указав на его настоящее место. Союз Ветчинкина и Кондратюка был разоблачен, и Кондратюк навсегда исчез с научного поля, больше не написав по вопросам ракетостроения и космонавтики ни строчки.

Спустя годы А.Л. Чижевский поинтересовался у своего сослуживца Б.Б. Кажинского, что он знает о работах Кондратюка в области ракетодинамики и космонавтики (поскольку тот был знаком с Кондратюком лично и общался с ним в начале 1930-х годов). Вот каков был ответ Кажинского 30 января 1961 года: «С Кондратюком я познакомился в 1932 году в Москве. В те годы я работал в области ветросиловых двигателей. Кондратюк с инженером П.К. Горчаковым разрабатывали тот же вопрос... При встрече со мной Кондратюк обычно говорил о силе ветра, никогда не затрагивая вопроса о ракетах или космических полетах. Я даже не знал, что он раньше интересовался этой областью. Он ничего не говорил о своей книжке или о К.Э. Циолковском. Только от вас впервые в 1961 году я узнал, что Кондратюка кто-то считал “новосибирским Циолковским”!»¹⁹

Следует отметить, что Сергей Павлович Королев в книге «Ракетный полет в стратосфере», ссылаясь на видных теоретиков, даже не упоминает имени Кондратюка – видимо, он не относил его к числу основоположников ракетной техники, как бы ни хотелось этого Ветчинкину. Не упоминали Кондратюка в своих многочисленных трудах и такие специалисты в этой области, как А.А. Космодемьянский и Б.Н. Юрьев. Что касается Ф.А. Цандера, пишет Чижевский, он «единственный раз упоминает это имя и то только для того, чтобы показать, что использование всей массы ракеты в качестве горючего было предложено не Ю.В. Кондратюком, а им, Ф.А. Цандером, впервые чуть ли не в 1909 году и позже многократно подтверждено в лекциях и докладах»²⁰.

На вопрос Чижевского в 1930 году об истории происхождения книги Кондратюка Фридрих Артурович ответил: «Я думаю, что для дела ракетостроения сейчас не следует делать вслух каких-либо заключений, которые и без того видны каждому»²¹. Однако Ветчинкина дело ракетостроения заботило

¹⁷ Чижевский А.Л. На Берегу Вселенной... С. 203–204.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ Там же. С. 596.

²⁰ Там же. С. 571.

²¹ Там же.

куда меньше, чем собственные амбиции. Взаимоотношения между ним и Ф.А.Цандером обострились до предела. В 1930 году Ветчинкин не пустил талантливого конструктора ракетных двигателей в Гаагу, куда Цандер был выдвинут в качестве докладчика на V Международном конгрессе воздушных сообщений. Он продолжал систематические нападки на ученого, что подорвало здоровье Цандера. Он скоропостижно скончался в 1933 году в расцвете творческих сил, в возрасте 45 лет.

«Диктатура посредственности, установленная в России в XX столетии, всегда утверждала и продолжает утверждать себя через отрицание гениальности, – пишет современный культуролог и философ А.В.Водолагин, – отрицание социально-психологическое на уровне быта, в повседневном существовании, официально-идеологическое в околонуучных кругах и в конечном счете – метафизическое»²².

История с Кондратюком подтверждает эту печальную закономерность. Что собой представляет Кондратюк? Вокруг его имени много легенд, путаницы, противоречий и домыслов, большинство которых он допустил сам при составлении автобиографии. «Кондратюковеды», не задумываясь о достоверности сведений, черпали материал для своих публикаций из разных источников: анкет, написанных им собственноручно, из его восторженных писем, адресованных московским специалистам, из хвалебных отзывов Ветчинкина о книге Кондратюка. В 1947 году книга была переиздана уже без хвалебного предисловия Ветчинкина, а в 1964-м ее переиздали в третий раз, как раз в год смерти Чижевского.

Многочисленные журналистские статьи о Кондратюке привлекают внимание публики не к научной сути проблемы, а к некоторым экстравагантным особенностям его характера и перипетиям биографии. Движимые азартом открыть миру «новосибирского гения», журналисты не утруждают себя элементарной необходимостью заглянуть в научные труды исследователей в области ракетодинамики и космонавтики, опубликованные значительно раньше книжки Кондратюка.

Б.И. Романенко в статье «Я знал его, когда он был Кондратюком», опубликованной в журнале «Чудеса и приключения»²³, написал о том, что только в 1960-е годы выяснилось, что настоящее имя Ю.В. Кондратюка – Александр Игнатьевич Шаргей. В годы гражданской войны Шаргей дважды был в Белой армии, потом по настоянию родственников сменил фамилию, воспользовавшись документами

студента Киевского университета 1900 года рождения, умершего от туберкулеза в 1921 году, и стал Ю.В. Кондратюком. Как у него оказались документы этого студента, не упоминается, но в публикациях проскальзывает информация, что Шаргей-Кондратюк ничего не знал о его родителях, и это его беспокоило. Боясь быть опознанным и разоблаченным, он часто менял место жительства. Вскоре он принял решение бежать за границу, в Копенгаген. Летом 1922 года Шаргей-Кондратюк при попытке пересечь советско-польскую границу был задержан органами ГПУ. Из статьи Б.И. Романенко следует, что компетентные органы ГПУ отработывали версию убийства Шаргеем комиссара Ю.В. Кондратюка с целью присвоения его документов, чтобы скрыть свое двукратное пребывание в Белой армии. На этом рассуждения автора статьи обрываются.

А. Раппопорт в книге «Траектория судьбы», изданной в Новосибирске в 1990 году, описывает жизненный путь Шаргея-Кондратюка. А.И. Шаргей родился в 1897 году в Полтаве. Мать, Людмила Львовна Шлиппенбах, вскоре после родов заболела неизлечимым тяжелым психическим заболеванием (по-видимому, шизофренией). Когда сыну исполнился один год, ее поместили в психиатрическую больницу, где она оставалась до конца своей жизни. У отца его, Игнатия Бенедиктовича Шаргея, также были странности в поведении. Он многократно поступал в высшее учебное заведение, но проучившись какое-то время, по непонятной причине оставлял его, а возможно, и был исключен. В следующем году он поступал снова. Его прозвали «вечным студентом». В 1898 году он неожиданно уехал в Германию, оставив больную жену с годовалым сыном на попечение своих родственников. Там он прожил 8 лет. Упоминается, что в Дармштадте он опять был студентом. Вернувшись домой, он в возрасте 36 лет снова становится студентом Петербургского университета. В Петербурге он сошелся с Е.П. Гиберман, которая родила ему дочь. Когда ей исполнилось 4 месяца, И.Б. Шаргей умер в возрасте 37 лет «от тяжелой неизлечимой болезни».

А.И. Шаргей-Кондратюк кое-что унаследовал от своих родителей. В его поведении также отмечены странности. Над ними посмеивались учащиеся гимназии. Согласно анкете, он проучился в ней «с сентября 1914 года по январь 1918-го и ушел из 4-го класса», то есть имел 3 класса образования, о чем сам писал профессору Рынину. По другим данным, он якобы прошел полный курс Полтавской гимназии и учился в ней с 1910 по 1916 год. А. Раппопорт описывает несколько случаев откло-

²² Водолагин А.В. Солнцепоклонник // Культура и время. № 3, 2007. С. 210.

²³ Романенко Б.И. Я знал его, когда он был Кондратюком // Чудеса и приключения. № 9, 1997.

нения в поступках Шаргея. Проходя ежедневно мимо одного и того же дома с открытыми ставнями, он каждый раз своей головой закрывал их и шел дальше. Ни призывы, ни просьбы, ни замечания ничего не изменили, он продолжал закрывать ставни своей головой. В 1930-е годы он приехал к своим родственникам в Полтаву. Хозяйка «вынула из печи горячий пирог и положила его на стул. Войдя, гость тотчас уселся именно на этот стул и стал беседовать с ней. Дело, конечно, не в том, – комментирует Раппопорт, – что он сел на пирог, а в том, что сидя на пироге (горячем!) во время всего разговора, даже не заметил этого»²⁴. Психиатрам известна категория людей с отклонениями психики, которые не чувствуют ни обжигающего жара, ни сильного холода, хотя их мягкие ткани от ожогов и обморожений страдают так же, как и у всех нормальных людей. Биографы, описывающие подобные случаи, относят их к странностям, рассеянности, чудаковатости, которые свойственны якобы великим людям, гениям. Но специалисту не составит большого труда дать правильную оценку этим явлениям. Не исключено, что Ветчинкин обратил внимание на странности Шаргея-Кондратюка и использовал их в своих целях. В течение всей жизни Шаргей-Кондратюк под руководством инженера П.К. Горчакова был механиком по строительству элеваторов в разных городах, занимался применением бетона для укрепления шахт, работал в области ветросиловых двигателей. Никаких трудов по ракетодинамике и космонавтике, кроме упомянутой книжки, Шаргеем-Кондратюком издано не было.

А. Раппопорт и Б.И. Романенко пишут, что в 1941 году Кондратюк был призван на фронт, участвовал в боях под Москвой, а в конце 1941 года или в начале 1942-го пропал без вести. Место захоронения неизвестно. В газете «Новосибирские новости» от 8 января 2002 года опубликована информация о том, что родственник Шаргея-Кондратюка – Дмитрий Шаргей, бывший доцент Петербургского университета, до сих пор ищет его пропавший след. Он тщательно отработывает кем-то подобранный версию, по которой Ю.В. Кондратюк не погиб, а оказался в 1942 году в плену в Германии. Через какое-то время он якобы перебрался в США, где умер в 1952 году. Дмитрий Шаргей полагает, что его родственник мог быть причастен к разработке полета американских астронавтов на Луну в 1969 году.

Из-за неосведомленности чинов самолетостроения Академии наук СССР или их преднамерен-

ных действий имя Кондратюка вошло в крупные издания. В 27-м томе второго издания Большой советской энциклопедии (1950–1958), в статье «Межпланетные сообщения», за Кондратюком закрепляется авторство по главным вопросам ракетодинамики и космонавтики, что сводит на нет приоритет Циолковского. «Авторам упомянутой статьи следовало бы более основательно изучить историю вопроса»²⁵, – с горечью писал Чижевский. Он недоумевал, почему Академия наук СССР самоустранилась и не приняла никакого участия в восстановлении справедливости, в то время как еще в 1929 года было ясно, кому по праву принадлежит приоритет. Имя Кондратюка и название его книжки в 60-е годы XX столетия выставлялось в павильоне Академии наук (ВДНХ). Чижевский возмущался: «Кто виноват в прославлении новосибирского апокрифа? Кто умышленно поддерживает эту дутую славу?»²⁶

Между тем надуманная слава Кондратюка продолжает расти. При поддержке Академии наук РФ в 1993 году в Новосибирске создан Мемориальный музей Ю.В. Кондратюка. Его имя носят одна из площадей, аэрокосмический лицей и другие учреждения, о нем пишут книги как о пионере в области ракетодинамики и космонавтики. Его превозносят в СМИ, на телевидении неоднократно называли его академиком, несмотря на три класса образования в полтавской гимназии. Экскурсоводы в музее рассказывают, что Кондратюк создал такие ракеты, до которых Циолковский не додумался. Информация о его приоритете распространяется вопреки очевидной истине.

«Итак, оказывается мало было тех тридцати с лишним лет, которые протекли после опубликования в Новосибирске книги Ю.В. Кондратюка, чтобы разоблачить апокриф и тем самым смыть оскорбление, нанесенное К.Э. Циолковскому, – оскорбление, которое до сих пор оказывается несмытым!»²⁷ – писал А.Л. Чижевский в 1960-е годы.

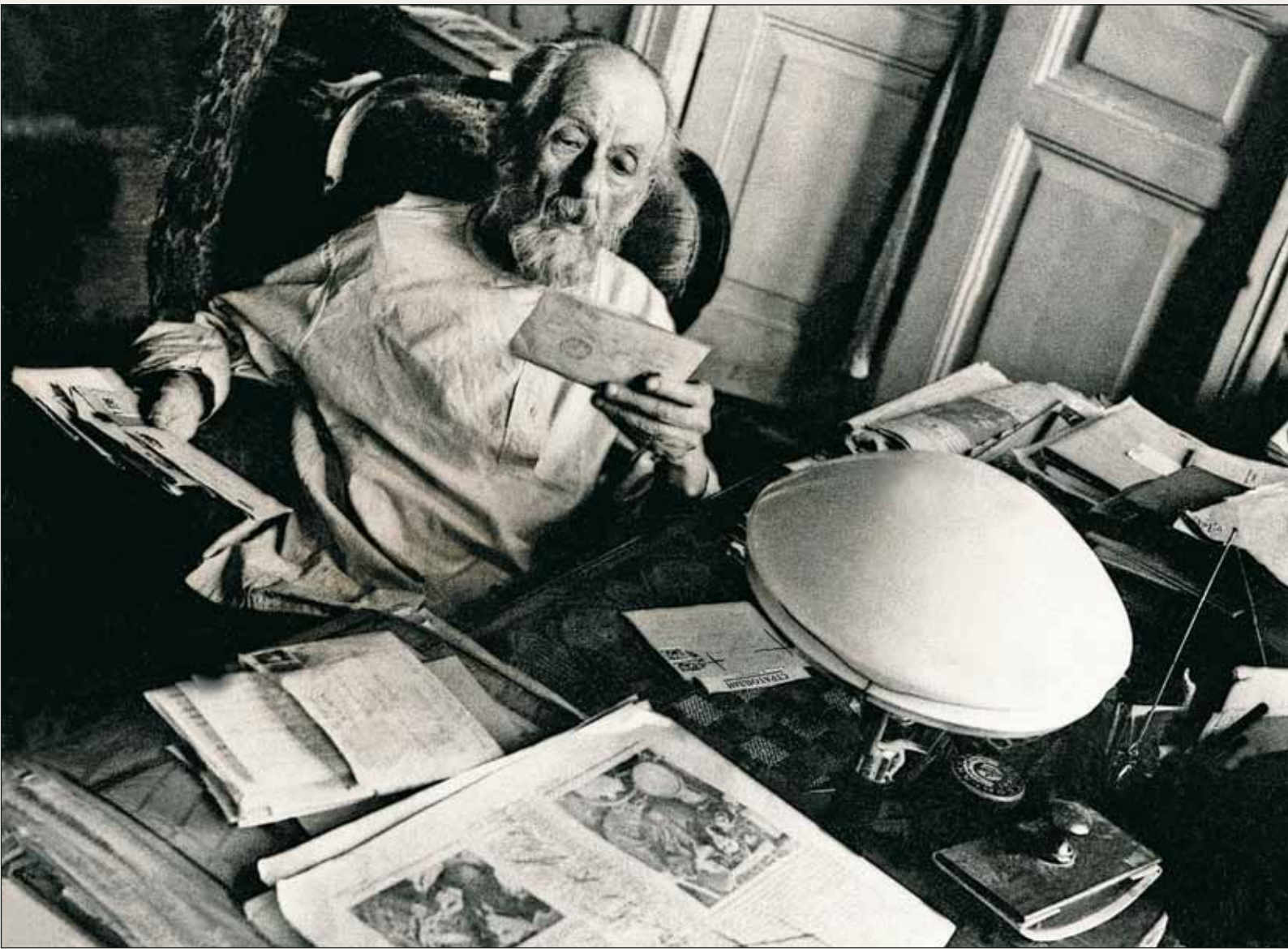
Прошло более 70 лет со дня смерти калужского гения. В 2005 году вышла замечательная книга «Вселенная Мастера». Автор ее, заслуженный деятель искусств РФ, академик двух академий – Академии космонавтики имени К.Э. Циолковского и РАЕН Л.В. Шапошникова, пишет: «Это он (Ветчинкин. – Л.В.) расчетливо и планомерно осуществлял идею захвата результатов научной деятельности Циолковского. Видимо, он понимал лучше других, какую золотую жилу в науке представляют труды великого ученого. Ветчинкина не стесняло то, что не он на-

²⁴ Раппопорт А. Траектория судьбы. Новосибирск, 1990. С. 30.

²⁵ Чижевский А.Л. На Берегу Вселенной... С. 597.

²⁶ Там же. С. 598.

²⁷ Там же. С. 573.

К.Э. Циолковский разбирает почту

шел эту жилу и не он ее разрабатывал. Для него это было неважно. Но он не хотел пачкать свои крахмальные манжеты в этом разбое. И потому он нашел того, кто легко и бездумно осуществил его замысел. Это был некто Ю.В. Кондратюк²⁸. А в адрес БСЭ она написала: «Энциклопедия освятила воровство, учиненное Ветчинкиным и Кондратюком»²⁹.

Восстановление истины должно быть делом чести для каждого, кто эту истину знает.

Труды Циолковского опередили свою эпоху на многие десятилетия и побудили других ученых и инженеров заняться ракетостроением, продолжая и углубляя его идеи, направленные далеко в будущее. Циолковский, как никто из его совре-

менников, предвидел изучение и освоение Дальних Миров. Заглянув за пределы видимого, он писал в своих работах о завоевании человеком околосолнечного пространства, о заселении им просторов Вселенной, о полетах на ракетных кораблях к другим планетам.

Его мечты – не пустая фантазия, а наука будущего. И эта наука будет нести в себе «лучистую энергию» Космоса, способную дать позитивный смысл земной эволюции. Такую науку будут делать гении, подобные Циолковскому, в сотрудничестве с учеными, свободными от предрассудков. Наука и нравственность должны стать синонимами – только тогда человечеству откроются Дальние Миры и иные измерения.

²⁸ Шапошникова Л.В. Великое Путешествие. В 3 кн. Кн. 3. Вселенная Мастера. М.: МЦР, 2005. С. 446.

²⁹ Там же. С. 446.